

Р. И. АВАНЕСОВ и В. Г. ОРЛОВА

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР *

1

Советское языкознание уделяет большое внимание изучению территориальных диалектов. В трудах И. В. Сталина показана тесная связь развития диалектов, обслуживающих народные массы на определенных территориях и имеющих свой грамматический строй и основной словарный фонд, с историей данного народа. Исторические события глубоко отражаются на характере развития диалектов, на их отношениях друг к другу и к общенародному языку народности, нации на разных этапах существования этих последних. В зависимости от конкретных исторических условий развития данного народа отдельные местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков, в связи с чем остальные диалекты таких языков «...теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»¹.

В истории некоторых языков бывало также, что «местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке,— оживают и дают начало образованию...самостоятельных языков»². Так, например, единый монгольский язык распался в XIII в. в связи с распадом единой монгольской народности на ряд диалектов, из которых на протяжении XIV—XVII вв. сформировались самостоятельные языки: бурят-монгольский, ойрат-монгольский, халхаский, или собственно монгольский, дагурский, монгорский и могольский.

Огромное значение для правильного понимания исторического процесса развития и совершенствования языков имеет также учение И. В. Сталина о неклассовом характере всех языков. Наличие диалектов, являющихся ответвлением от общенародного языка, не исключает единства языка на всех этапах его развития, так как над диалектами, местными говорами «...превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»³.

Таким образом, развитие языкового строя диалектов необходимо изучать, учитывая характерные для этих диалектов внутренние законы развития, в связи с историей соответствующего народа, прослеживая при этом процесс формирования диалектов каждого отдельного конкретного языка.

* В основу настоящей статьи положен доклад, подготовленный Р. И. Аванесовым, Е. А. Бокаревым, Б. В. Горнунгом, В. И. Лыткиным, В. Г. Орловой, В. С. Расторгуевой и А. А. Юлдашевым и прочитанный на Совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии в мае 1953 г. в Институте языкознания АН СССР.

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 44.

² Там же.

³ Там же, стр. 13.

Только детальное изучение истории формирования отдельных языков может выявить соотношение диалектных групп данного языка на разных этапах его существования. Различия в конкретно-исторической обстановке существования общества, создавшего тот или иной язык, определяют своеобразие процессов формирования языка данной народности, данной нации. Однако учение И. В. Сталина о территориальных диалектах и их роли в общем развитии языка ставит перед каждым исследователем, занимающимся данной проблемой, и некоторые общие вопросы, которые следует разрешать на основе сопоставления разных типов развития языков в различных исторических условиях.

Одним из таких важнейших вопросов является уже упоминавшийся вопрос об общенародности языка в пределах любой социальной общности, которую язык обслуживает, независимо от того, будет ли это племя, народность, буржуазная или социалистическая нация. При исследовании истории формирования каждого данного языка всегда оказывается поэтому необходимым уяснить себе, на чем основывалась, чем обеспечивалась общенародность языка на каждом из этапов его развития. Так, например, общенародный характер языка народностей, складывавшихся в древние эпохи на основе союзов племен, был обусловлен тем, что языки этих родственных племен обладали значительной степенью единства и близости (ср. древнерусский язык киевского периода, древнемонгольский язык до XIII в.). Общность по происхождению являлась еще решающей в это время, а различия в языке еще только намечались и касались главным образом отдельных особенностей фонетической системы.

Об этом говорит, например, по отношению к единому монгольскому языку периода XII—XIII вв. Г. Д. Санжеев: «Изучение этих записей (имеются в виду записи устной речи монголов XIII—XIV вв., сделанные учеными соседних стран. — *Ред.*) не оставляет никакого сомнения в том, что различные монгольские племена, объединенные в государство поработителя народов Чингисхана, говорили на таких диалектах единого монгольского языка, различия между которыми были значительно меньшими, нежели те, какие существуют теперь между современными монгольскими языками»⁴.

Таковы и наши представления о языке древнерусской народности IX—XI вв., единство которого также основывалось на том, что еще сохранялось решительное преобладание элементов языковой общности, полученной в результате происхождения из одного языка-основы, языковые же различия между отдельными племенными группами того времени по своей сущности и значимости в системе языка не играли сколько-нибудь заметной роли.

Народности возникают, как известно, и в более поздние эпохи существования общества на почве обособления частей уже ранее существовавших народностей и нового их объединения. При этом в их составе могут уже оказываться представители различных, более резко противопоставленных диалектов, развившихся в условиях территориального обособления, например, в период феодализма. Однако если исторические условия таковы, что носители этих диалектов продолжают составлять одну народность и социальная общность в пределах этой народности не нарушается, то даже при образовании некоторых диалектных различий процесс дальнейшего обособления диалектов не идет настолько далеко, чтобы дать начало самостоятельным языкам.

При этом в языке народности с подобным более неоднородным диалект-

⁴ Г. Д. Санжеев, Монгольские языки и диалекты, «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. IV, М., 1952, стр. 33.

ным составом опять-таки выделяется на основе определенных исторических предпосылок диалект, имеющий ведущее значение в дальнейшем развитии языка народности, используемый в определенных случаях при междиалектном общении и выступающий как наиболее типичный представитель общенародного языка. Преобладание в структуре ведущего диалекта элементов, общих с языковой структурой других диалектов данного языка, служит для дальнейшего сохранения языковой общности. Специфические же черты этого диалекта постепенно, хотя и чрезвычайно медленно получают на данном этапе общественного развития более широкое распространение.

Так, например, в пределах аварского языка (Дагестан) из двух наречий, южного и северного, последнее представлено более компактным диалектным массивом, на основе которого и сложился так называемый «болмац», которым аварцы, говорящие у себя на местах на своих родных диалектах, издавна пользовались при междиалектном общении. Характерно при этом, что «болмац» не является по характеру языковой системы непосредственно тождественным тому северному диалекту, на основе которого он сложился. В «болмаце» обнаруживаются в ряде случаев и черты более старые, но сохранившиеся именно в связи с междиалектным использованием. Попало в «болмац» и несколько других диалектных особенностей, отсутствовавших в северном диалекте, но оказавшихся продуктивными и широко распространившимися.

Язык отдельных народностей в начале формирования последних может являться и однородным по своему диалектному составу. Таким был в начальный период своего развития язык великорусской народности, складывавшийся при ведущем значении диалекта Ростово-Суздальского княжества. Несмотря на присоединение других диалектных областей, диалект ростово-суздальского типа на протяжении некоторого периода доминирует еще территориально. В дальнейшем это ведущее значение сохраняется за ним благодаря предпосылкам экономического и культурного характера. Пути формирования ведущего диалекта в пределах языка народности могут быть различными. Для диалектных групп языка монгольской народности Г. Д. Санжеев подчеркивает, например (стр. 105)⁵, то особое значение, которое имело междиалектное общение в условиях кочевого образа жизни, приведшее еще в период существования языка монгольской народности при наличии определенных исторических предпосылок к значительному стиранию диалектных различий и образованию весьма единообразного халхаского диалекта на огромной территории бывшей Внешней Монголии, благодаря чему этот диалект приобрел ведущее значение еще в период языка народности. Возможно также предположить, что в процессе междиалектного общения ведущий диалект принимает некоторые частные особенности других диалектов (см. приведенный выше пример аварского языка).

Если в ходе развития языка данной народности возникает письменность, а в дальнейшем развивается и самобытная литература народности, то основой письменного языка вообще и литературного, в частности, является в первую очередь ведущий, а не любой иной диалект. Ведущий диалект и представляет прежде всего для письменного языка ту живую среду народно-разговорной речи, из которой на разных этапах с разной интенсивностью литературный язык черпает выразительные средства для развивающегося многообразия своих стилей. Конечно, при отсутствии экономических и иных связей между частями территории данной народности, при

⁵ Здесь и в дальнейшем мы ссылаемся на вышеупомянутую работу Г. Д. Санжеева (см. сноску 4). Ссылки на страницы этой работы даем дальше в тексте в скобках.

недостаточной централизованности государства или отсутствии такового и потому при сильной разобщенности отдельных территорий, особенно, когда язык народности развивается в условиях национального гнета господствующей в данном государстве народности или нации, могут наметиться процессы разобщения отдельных диалектных групп и развитие в них новых диалектных различий. В подобных условиях могут появиться и диалектные варианты литературных языков или может проявляться неустойчивость диалектной базы (ср. например, отражение различных диалектных особенностей в творчестве отдельных литовских, белорусских и других писателей конца XIX — начала XX в.). Однако такие частные случаи развития не опровергают общего правила. На примере развития того же литературного литовского языка на более поздних этапах можно увидеть процесс его консолидации на основе среднелитовских говоров.

Вопрос об общенародном языке, том «едином и общем языке», который превалирует над местными говорами и подчиняет их себе, не может быть сведен к вопросу о письменном или литературном языке, хотя наличие последнего является свидетельством успешного развития общенародного языка народности. Сам письменный язык является средством фиксации общенародного языка, средством его более интенсивного распространения. Поскольку развитие письменности всегда связано с последующей фиксацией норм письменного языка, появление письменности означает и первые успехи по линии нормализации языка вообще, особенно если распространение письменности у данной народности не ограничивается узкими сферами употребления.

2

История различных языков, в частности, например, казахского и таджикского, показывает, что ведущая роль одних и тех же диалектов могла в отдельных языках сохраняться на протяжении всей их истории, в том числе и при переходе от языка народности к национальному языку; тем самым сохранялась одна и та же основа и письменного (литературного) языка. В истории других языков имела место смена ведущего диалекта, что могло произойти как на протяжении существования языка народности (например, в монгольском языке), так и при переходе к национальному языку (например, в русском языке).

Однако, прежде чем рассматривать специфические процессы, связанные с сохранением или заменой ведущего диалекта, следует остановиться на тех существенных отличиях, которые имеются в отношениях между общенародным языком и диалектами в пределах языка народности сравнительно с языком нации. Это рассмотрение необходимо повести, разграничивая письменную (литературную) и устную разновидности языка.

Так, письменная разновидность общенародного языка в эпоху народности (если она не является чуждой по происхождению), хотя и возникает на основе живой разговорной речи представителей ведущего диалекта, не получает на протяжении его существования (в связи с характерными для народностей экономическими и политическими условиями) широкого распространения и употребления, а в связи с этим и развития стилей. Таким образом, не устанавливается достаточно тесной связи в развитии письменной разновидности общенародного языка с тем ведущим диалектом, на базе которого он некогда сформировался. Поэтому на протяжении развития письменного и, в частности, литературного языка в донациональных условиях часто намечается постепенный отрыв литературного языка от своей народной основы, достигающий в определенных исторических условиях у разных народностей различной степени.

Об этом свидетельствуют, например, факты развития таджикского литературного языка донационального периода. В таджикской литературе преобладала поэзия, характеризовавшаяся большой традиционностью; при этом вся литература имела весьма ограниченное распространение в народной среде в связи с незначительным распространением грамотности. Эти причины, наряду с некоторыми другими, и создали в дореволюционный период значительный разрыв между письменным и устным языком. Подобный разрыв проявлялся и в лексике (наличие в литературном языке архаизмов, уже непонятных в народном языке, арабизмов), и в морфологии (отсутствие в литературном языке ряда глагольных форм — новообразований, свойственных устному языку), и в синтаксисе (отсутствие ряда оборотов живой разговорной речи).

Общенародный и а ц и о н а л ь н ы й язык в его письменной разновидности оказывается уже в ином положении по отношению к своей общенародной основе — живому устному разговорному языку определенных ведущих территорий — и становится в иное положение по отношению к местным диалектам. В конечном счете это иное положение общенародного национального языка определяется тем, что нация является категорией эпохи поднимающегося капитализма, когда в соответствующих странах ликвидируется территориальная разобщенность отдельных областей, между ними налаживаются регулярные экономические связи, развивается общий рынок, происходит втягивание деревни в капиталистические отношения, а тем самым укрепляется и общность языка.

Не случайно поэтому то, что именно в период становления наций ярко проявляются тенденции сближения литературного языка с народно-разговорной речью. Наиболее последовательно и плодотворно эта тенденция реализуется в творчестве выдающихся представителей национальной литературы. В результате всего этого литературный язык там, где он существует издавна, представляет сложное переплетение накопленного в предыдущий период существования литературы и усвоенного из питающей литературный язык живой народной речи.

Наряду с обогащением литературного языка за счет освоения богатств народно-разговорной речи, преимущественно за счет лексики, фразеологии и средств образного выражения, в период возникновения национального языка усиливается нормализация языка, прежде всего по линии установления его орфографических норм. Этим обеспечивается необходимая устойчивость литературного языка.

Качественное своеобразие общенародного языка нации ощущается и в его устной разновидности. В условиях развития национального языка эта разновидность приобретает значительное своеобразие, отличающее ее от диалектной основы национального языка. Развиваются различные стили устной речи, в которых получают свое отражение и многие стили письменного языка. Ср. такие разновидности устного общенародного языка, как ораторская, научная, деловая, разговорно-бытовая и др.

В условиях национального языка и устная общенародная разновидность все больше и больше подвергается нормализации, сначала в грамматическом, лексическом, а потом и в фонетическом отношении. Происходит и обогащение устного языка за счет письменного (об обратном влиянии и обогащении, как ведущем факторе, говорилось выше). Обогащение устной речи особенно заметно сказывается в лексическом и синтаксическом отношениях.

Нормализованная форма национального языка оказывает также, хотя и медленно реализующееся, но мощное влияние на местные разновидности языка — диалекты. В составе отдельных национальных языков может оказаться значительное количество различных диалектных групп. Это,

казалось бы, могло поколебать единство национального языка, но фактически в национальный период появляются небывалые прежде возможности постепенного достижения полного единства языка, т. е. перехода всех представителей данной нации в конечном счете к общенародной форме национального языка.

Расширение диалектного состава национального языка отмечает, например, Г. Д. Санжеев, указывающий, что в состав национального монгольского языка входят не только диалекты внутренних и внешних монголов, но и диалекты ойратов в Западной Монголии и дархатов Хубсугульского аймака (стр. 113). Г. Д. Санжеев указывает также, что тот постепенный процесс монголизации или халхаизации ойратов и дархатов, который начался еще раньше, до революции, значительно ускорился в эпоху национальной консолидации монголов. Это произошло потому, что общенародный национальный монгольский язык получил в это время ряд новых каналов распространения как в устной, так и в письменной разновидности.

Все сказанное о нормализованной форме национального языка относится как к тем случаям, когда развитие языка народности в национальный характеризовалось сохранением ведущего диалекта, так и к случаям его смены. В последнем случае следует лишь учесть некоторые дополнительные моменты и процессы в формировании общенародного национального языка. Эти процессы выражались прежде всего в языковом взаимодействии между ведущим диалектом языка народности и тем новым диалектом, который постепенно приобретал ведущую роль. Так, например, в истории русского языка ведущую роль в языке великорусской народности имел диалект ростово-суздальский, а основой русского национального языка стал курско-орловский. Роль южнорусского элемента постепенно нарастала еще в пределах языка народности. Мы не имеем пока полного представления о языковых процессах, характеризовавших развитие южновеликорусских элементов в языке великорусской народности. Предстоит углубленное изучение диалектных данных и памятников письменности по этому вопросу. Ясно лишь, что в подходе ко всем этим материалам необходимо соблюдение исторического принципа: мы не должны забывать, что не можем в своих рассуждениях исходить из современного состояния русских народных говоров.

Кроме того, нельзя забывать, что влияние южнорусских говоров осуществлялось как в языке народности, так и национальном языке прежде всего на центральных территориях нашего государства. Это влияние сказывалось в постепенном усилении южнорусских элементов в системе традиционного общенародного языка того времени, севернорусского по своему типу, причем, несомненно, должны были иметь место не только факты влияния со стороны представителей южнорусского наречия, имевшие решающее значение, но, поскольку преемственность между разными ступенями развития языка никогда не нарушается, и некоторые факты обратного воздействия. В процессе этого взаимодействия, где речь шла об установлении южнорусской основы при сохранении традиций общенародного языка как в его устной, так и в письменной разновидности, вырабатывался некий языковой сплав, по типу своему в устной разновидности близкий к современным среднерусским говорам, но и отличавшийся от них включением элементов письменного языка предшествующей эпохи.

При смене ведущего диалекта следует учитывать и те значительные различия, которые в языке народности могут складываться между устной и письменной разновидностями общенародного языка. Как говорилось выше, письменный язык оказывается весьма устойчивым по своим орфографическим нормам, которые могут сохраняться, в основном, и при суще-

ственных изменениях фонетической системы, как это имело место в развитии русского языка. Народно-разговорные элементы в языке национальной литературы относятся преимущественно к области лексики, фразеологии, разного рода средств образного выражения, широко используемых писателями периода расцвета национальной литературы. Орфографические же нормы не отражают, в основном, фонетических изменений, сложившихся в устной разновидности общенародного языка при переходе на южнорусскую основу. В связи с этим в русском языке наметились определенные закономерные отношения звуков и букв, указывающие на их несоответствие.

Указанная устойчивость орфографических норм не является безусловной. Так, например, в монгольском национальном языке, складывавшемся в эпоху народной революции, традиционность орфографических норм была удачно преодолена при переходе на новый алфавит на основе русской графики.

Национальные языки ряда наций в пределах России сформировались еще в период существования этих наций как буржуазных, на базе языков народностей предшествующей эпохи. Русский национальный язык, национальные языки грузин, армян, татар и некоторых других народов имели в своем составе общенародные языки в письменной и устной разновидности, которые превалировали над местными (территориальными) диалектами и вызывали к жизни определенные изменения диалектов, знаменующие сближение с общенародным языком.

Однако в условиях развития капитализма в России, когда различные области страны были в разной степени вовлечены в капиталистические отношения, при слабом вовлечении в эти отношения крестьянства, при резком количественном преобладании сельского населения и глубокой розни между деревней и городом, при слабом распространении культуры, просвещения, даже просто грамотности, тенденция всеобщего распространения общенародного языка осуществлялась слабо. Кроме того, этому распространению противодействовало и то, что в диалектах отдельных языков (например, армянского) в донациональный период развились весьма глубокие различия. Влияние устного общенародного языка имело место только при непосредственном соприкосновении сельского населения с городским, реально оно распространялось на население деревень, расположенных вокруг больших центров, на крестьян, занимавшихся отхожими промыслами.

Усиление народно-разговорной стихии в языке письменной литературы, наблюдавшееся в творчестве выдающихся писателей XIX в., когда буржуазные нации были на подъеме, сменяется затем, в связи с развитием упадочнических направлений в литературе, нарочитым стремлением ко всякого рода «изыскам» в языке; органическая связь с народно-разговорной основой сохраняется лишь у прогрессивных писателей, связавших свое творчество с делом рабочего класса; тем самым и в нормализации литературного языка ярко выявляются две тенденции, связанные с двумя культурами: демократической и социалистической, с одной стороны, и буржуазной — с другой⁶.

Особенно слабо распространяются нормы национального языка на территориях тех языков, носители которых испытывали гнет со стороны господствующих наций. Массы трудящихся угнетенных наций не получали возможностей овладения своей национальной культурой, в том числе письменной (литературной) разновидностью общенародного языка.

⁶ См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

Впервые при социализме распространение общенародного языка осуществляется беспрепятственно. Это объясняется успехами культурной революции, резким увеличением числа каналов, по которым идет распространение общенародного языка. Возрастает значение устной общенародной разновидности языка, звучащего теперь в школах, по радио, в звуковых кино, в общественных выступлениях, в широко демократических органах государственного управления. Поднимаются вопросы орфоэпической нормализации.

Язык советской литературы, литературы социалистического реализма, глубоко обновляется и обогащается за счет устной народной речи. Сама эта литература также становится достоянием масс.

3

В эпоху социализма формируются нации и национальные языки тех народов, которые при капитализме были лишены возможностей подобного развития. При социализме, независимо от того, имели ли те или иные народности, как, например, таджики или удмурты, еще не изжитый феодальный уклад жизни или преобладание патриархально-родовых отношений (как башкиры, тувинцы, алтайцы, хакасы), все они при поддержке Советского государства как свободного объединения равноправных наций получили возможность успешного национального развития. В связи с этим большинство народов формируется в социалистические нации, а их языки становятся национальными.

Огромное значение при формировании языков социалистических наций имеет тот уровень развития общенародного языка, который был достигнут соответствующими народами до Великой Октябрьской социалистической революции, наличие или отсутствие у них письменности вообще и письменности на родном языке, в частности.

Если народы, не проходившие ступени капиталистического развития, имели до революции свой письменный язык, то последний в процессе своего существования мог в ряде случаев отрываться от народной основы как в связи со слабым распространением грамотности, так и по обстоятельствам экономического и политического характера (разобщенность отдельных областей). Играло роль и то, что литература на языках угнетенных народов тормозилась в своем развитии, как это имело место, например, в царской России. Поэтому в период социализма при формировании социалистических наций письменные языки, не имевшие в своей истории того, в общем прогрессивного, периода развития, который был связан с формированием буржуазных наций, подвергаются существенной перестройке и обновлению.

Такова, например, глубокая перестройка старописьменного монгольского языка, на развитии которого отрицательно сказывалось наличие в прошлом таких сильных конкурентов, как тибетский и маньчжурский письменные языки, в ряде областей оттеснявших его на задний план. В новом письменном монгольском языке ликвидируются наиболее резко наметившиеся линии разрыва между устной и письменной речью. При этом новый письменный монгольский язык не отбрасывает достижений старого языка; его демократизация не представляет, с другой стороны, простого сведения до уровня халхаского диалекта, являющегося его основой; речь идет об отборе из последнего лучших и ставших общенародными за время предшествующего развития элементов.

Чувашский язык имел до Октябрьской революции письменность на основе говоров наречия «анатри»; после революции, когда центром Чувашской автономной республики становится город Чебоксары, сближение

письменного языка с народным происходит уже на основе наречия «виръял», на территории которого находится центр республики. Особенности ударения, фонетические отличия, целый ряд лексических явлений, относящихся как к основному словарному фонду, так и к словарному составу языка, постепенно проникают в письменный язык, не ломая его основ. В лексике интересны при этом синонимические отношения, устанавливающиеся между лексическими рядами, идущими из наречия «виръял», с одной стороны, и «анатри» — с другой.

При отсутствии письменности или наличии ее только на чуждом языке, как это имело место, например, в ряде языков Дагестана, где официальным языком в течение веков был арабский, поднимается вопрос о письменной фиксации этих языков. Выбор диалекта, который должен лечь в основу при создании письменного языка, в условиях развития социалистических наций стоит в центре общественного внимания и нередко решается в процессе широкого обсуждения. И все же плодотворным и целесообразным это решение может быть лишь в том случае, если в его основе лежит учет объективной, независимо от воли людей сложившейся закономерности развития диалектов данного языка, которая в свою очередь обусловлена историческими условиями развития данного народа.

Если у данного народа ко времени формирования его в социалистическую нацию уже выработалась в той или иной степени разговорная норма общенародного языка, представленная в наибольшей степени ведущим диалектом, но имеющая и ряд черт, развившихся в результате междиалектного употребления, то само собой разумеется, что именно на основе этого общенародного устного языка возникает письменность. Так было, например, при создании аварской письменности. Упомянутый выше «болмац» — устный междиалектный язык, сформировавшийся на основе северного диалекта аварского языка, ложится в основу создания письменности и, в частности, литературного языка. В этом и подобных случаях с самого начала возникновения литературного языка на широкой общенародной основе имеется определенное соответствие между устной и письменной разновидностями общенародного языка. В ходе последующего развития той и другой разновидности языка в эпоху социализма не может возникнуть разрыв между ними, наоборот, открываются небывало широкие возможности распространения общенародного языка в целом как в его письменной (литературной), так и в устной форме.

В тяжелых условиях развития некоторых угнетенных народностей в царской России в них не мог идти процесс концентрации диалектов, не могли оформиться ведущие диалекты, поскольку всякие тенденции культурного, а тем более политического сплочения той или иной народности последовательно подавлялись и пресекались. Это вело к разобщению отдельных групп в пределах одной народности, к развитию местных диалектных различий. Потеря связи между такими разобщенными, разнодиалектными группами одного и того же народа соответствовала задаче последующего уничтожения национальной самобытности.

После Октябрьской революции, когда у этих народов возникали письменность и литература, естественно, поднимался вопрос о выборе диалектной основы для них. Создаваемые письменность и литература ориентируются при этом обычно на диалект (или группу близких диалектов), занимающий центральное место в системе данного языка, ввиду того, что в нем представлено наибольшее количество черт, объединяющих его со всеми остальными диалектами данного языка. Необходимо также, чтобы в основу создания литературного языка был положен диалект наиболее передовых в экономическом, политическом и культурном отношениях территорий, обладающих перспективами дальнейшего развития.

Таким именно путем избиралась диалектная основа для создания таких литературных языков, как коми-зырянский — на основе присыктывкарского говора, коми-пермяцкий — на основе кудымкарско-иньвенского говора и башкирский — на основе куваканского и юматинского говоров.

В основу бурят-монгольского литературного языка был положен так называемый хоринский диалект: по отношению к другим местным диалектам он имеет наименьшие отличия фонетического и лексического характера. На этом диалекте ко времени создания литературного языка общалось большинство населения восточной Бурятии. При установлении орфографии литературного языка были не приняты лишь некоторые частные звуковые особенности хоринского диалекта (например, палатальный звук *т* в совместном падеже) как нехарактерные для других диалектов. Установление литературного языка на основе хоринского диалекта оправдало себя исторически и создало основу для последующего успешного развития бурят-монгольского языка.

При условии необходимых объективных предпосылок, например, при многочисленности данного народа, при сплошном расселении его на определенной территории, вновь созданные языки быстро идут по пути развития и совершенствования. Развивается литература данного народа, разрабатываются не только письменные, но и устные общенародные нормы как лексического, грамматического, так и фонетического характера. С этим связано углубление процесса концентрации диалектов того или иного языка, переход носителей диалектной речи к общенародному языку.

Особое место при формировании литературных языков ранее бесписьменных народов, не имевших достаточно выделившегося ведущего диалекта, занимает вопрос о допущении в литературный язык, создаваемый на базе какого-нибудь отдельного диалекта, особенностей других диалектов данного языка. Само собой разумеется, что решение этого вопроса зависит от конкретных условий развития каждого отдельного языка и должно основываться на детальном изучении той роли, которую играют инодиалектные элементы в том или ином младописьменном языке, основанном на одном диалекте.

Ясно лишь, что в случаях этого рода речь идет не о бессистемном соединении языковых черт различных диалектов. Так, в коми-пермяцком литературном языке, в отличие от лежащего в его основе кудымкарско-иньвенского диалекта, является нормой произношение звука *л* в определенных позициях. Этим достигается сближение литературного языка с диалектами, широко употребляющими звук *л*. Положительно разрешился на протяжении существования коми языков вопрос о проникновении в литературный язык диалектной лексики, особенно когда за счет употребления последней оказывалось возможным обогатить литературный язык синонимическими средствами. Наоборот, существование морфологических дублетов (например, параллельное употребление форм *мунди* и *муниньд* «вы шли») в ряде случаев оказывается неоправданным, и наблюдается тенденция преимущественного употребления одной из параллельных форм (ср. современное широкое употребление формы *муниньд*).

По отношению к ряду языков ставится также вопрос о возможности формирования литературного языка на основе двух или нескольких диалектов. В связи с малой изученностью данного вопроса предстоит еще специальное рассмотрение каждого из подобных случаев образования литературных языков в тесной связи с конкретной историей их носителей. Особое место занимает здесь вопрос о возможности соединения двух резко отличающихся друг от друга диалектов. Подобное положение могло бы сложиться, видимо, только при последовательной смене роли этих диалектов в ходе исторического развития; в этом случае в литературном язы-

ке могут, конечно, быть представлены черты, восходящие к разным диалектам.

По отношению к башкирскому литературному языку, основой которого являются два диалекта — куваканский и юрматинский, важно отметить, что эти два юго-восточных диалекта, вместе взятые, противопоставлены в пределах башкирского языка диалектам Северо-Запада, в прошлом подвергавшимся сильному влиянию со стороны татарского языка. В отличие от последних диалектов, куваканский и юрматинский имеют значительное единство основного словарного фонда и грамматического строя. Имеющиеся между ними различия преимущественно касаются словарного состава языка и его фонетики. Поэтому в данном случае речь идет не о механическом объединении диалектных групп при создании литературного языка, а об опоре на такую группу внутренне близких диалектов, которая в состоянии противостоять диалектам, испытывавшим влияние со стороны другого языка, и втянуть последние в общее развитие башкирского языка как языка социалистической нации.

4

Сталинское указание на наличие у диалектов своего грамматического строя и основного словарного фонда следует понимать в том смысле, что различия между диалектами могут касаться всех сторон языка, в том числе грамматического строя и основного словарного фонда. Диалекты одного языка не могут иметь полностью отличающийся от других диалектов грамматический строй и основной словарный фонд, так как в этом случае они представляли бы собой разные языки и притом или не родственные друг другу, или находящиеся в более или менее далеком родстве. Диалекты являются ответвлениями общенародного языка. Отсюда следует, что, отличаясь друг от друга в одних звеньях своей структуры (фонетической системы, грамматического строя, словарного состава), они сходятся и оказываются тождественными в других.

При этом диалекты одних языков оказываются весьма близкими друг другу, т. е. мало отличаются по своему основному словарному фонду и грамматическому строю — этим решающим элементам структуры языка, являющимся основой языка. Общие элементы строя таких диалектов весьма значительно превосходят черты их различия. Диалектные различия, можно сказать, тонут в общих элементах строя таких языков. Диалекты же других языков оказываются дальше друг от друга ввиду наличия большего количества диалектных различий или ввиду того, что эти различия носят более глубокий характер, в частности, в большей степени затрагивают основной словарный фонд и грамматический строй. Однако и в последнем случае общие элементы структуры языка в целом обычно доминируют над чертами различия.

Различные отношения между диалектами того или иного языка, их большая или меньшая близость, характер их диалектных различий, отношение этих последних к общим элементам строя языка находят свое объяснение в истории соответствующих народов. Но каковы бы ни были отношения между диалектами одного языка, эти диалекты, не являясь самостоятельными языками, всегда сочетают в себе общие признаки данного языка с частными специфическими признаками каждого из диалектов, как одного из ответвлений этого языка. Отсюда следует, что диалектные различия должны изучаться не сами по себе, в отрыве от системы языка в целом, от ее общих элементов, а как элементы системы языка в целом.

Характер диалектных различий по отношению к разным структурным элементам языка, по более или менее широкому охвату ими языковых фактов в разных языках принимает весьма многообразные формы. Среди диа-

лектных различий, относящихся к фонетической системе, весьма существенны различия в составе фонем, т. е. звуков, представленных в так называемых сильных позициях. При этом типе диалектных различий в одном из диалектов имеется фонема, отсутствующая в другом и замещаемая в последнем обычно ближайшей по качеству фонемой. Например, в одних русских говорах различаются фонемы *ц* и *ч*, в других на их месте употребляется одна фонема, обычно *ц*, в одних русских говорах различаются губные фрикативные глухие фонемы *ф* и *ф'*, в других они отсутствуют: им соответствует звук *х* или сочетание *хв* с твердым или мягким *е*; в одних русских говорах различаются три ступени подъема гласных: верхний — *и-ы, у*, средний — *е, о* и нижний — *а*, в других — четыре, так как в них имеются еще гласные верхне-среднего подъема — *ѐ*, в отличие от *о*, и *ѐ*, в отличие от *е* (некоторые говоры различают обе эти фонемы, другие одну из них, чаще *е*).

Не менее существенны различия в составе звуков, употребляющихся в так называемых слабых позициях. Например, в русском языке в одних говорах при оканье в первом предударном слоге после твердых согласных возможно употребление гласных *о* и *а*, а при аканье обоим этим гласным соответствует звук *а* (ср. при оканье *домá* — *далá*, в то время как при аканье *дамá* — *далá*). Другой пример: на конце слов в русском языке в одних говорах различаются твердые и мягкие губные согласные, в других на месте тех и других употребляются только твердые. Ср. в одних говорах *цеп'* и *цеп*, *кроф'* (или *кrow'*) и *кроф* (или *кrow*); в других говорах в звучании *цеп* и *кроф* (или *кrow*) совпадает каждая из пар приведенных слов. Эти и подобные диалектные различия, касающиеся непосредственно самих принципов построения фонетической системы, вне всякого сомнения следует считать весьма существенными.

Менее существенными для фонетической системы как таковой, но тем не менее весьма заметными для говорящих — носителей диалектов являются различия в качестве отдельных фонем, имеющих в тождественных, общих для всего языка словах или морфемах различное образование. Таковы: русское *з* взрывное и соответствующее ему *γ* фрикативное (*гузь* — *γузь*; *город* — *γород*; *знать* — *γнать* и т. д.), или различное твердое (велярное) или «среднее» образование немягкой фонемы *л* (*былá* — *былá*; *лук* — *лук* и т. д.), или различное образование долгих шипящих — глухой шипящей в виде *ш'ч', ш', ш'* и т. д. (*ш'ч'ука*, *щука*, *шука* и т. д.), звонкой — *ж'д'ж', ж', ж'* и т. д. (*дбж'д'ж'ук*, *дбж'ук*, *дбж'ук* и т. д.). Меньшее значение подобных диалектных различий для фонетической системы обусловлено тем, что они не касаются соотношений фонем, их системы или касаются их в ограниченной степени. Так, например, различие между *з* взрывным и *γ* фрикативным затрагивает и систему отношений между фонемами: если *з* на конце слова оглушается и чередуется с *к* (ср. *лý[з]а* — *лý[к]а*, но *лу[к]* в обоих случаях), то парными по звонкости-глухости среди заднеязычных являются *з* — *к*, а внепарным — *х*; если же *з* имеет фрикативное образование *γ* и на конце слова оглушается в *х* (ср. *слý[х]а* — *слу[γ]á*, но *слу[х]* — им. пад. ед. ч. сущ. *слух* и род. пад. мн. ч. сущ. *слуха*), то парными среди заднеязычных оказываются *γ* — *х*, а внепарным звуком — *к*. Роль подобных диалектных различий в фонетической системе определяется тем, что изменения, вносимые ими в соотношения фонем, касаются только трех заднеязычных фонем *з-γ, к* и *х*, не затрагивая остальные звенья фонетической системы.

Часто встречается во многих языках тип диалектного различия, заключающийся в том, что одно и то же слово (или морфема) имеет разный звуковой (точнее, фонематический) состав. Вот несколько типичных примеров из русского языка: *[вы]сѣкий* и *[в'у]сѣкий*, *[вѣ]шня* и *[в'ѣ]шня*,

комá[р] и *комá*[р']. Подобные различия в сущности не имеют отношения к фонетической системе, так как они касаются лишь данного слова, и то или иное произношение его ни в какой степени не отражается на фонетической системе: при наличии в говоре [вы]шнѧ рядом, в нем же, существуют слова с сочетаниями [вы] и [в'и], например: [вы]л и [в'и]л; то же и при произношении [в'и]шнѧ; при наличии в говоре *комá*[р'], так же как и *комá*[р], рядом существуют слова с мягким и твердым р на конце: *фона*[р'], *коса*[р'], *зве*[р'] и т. д., с одной стороны, и *дар*, *пар*, *сор*, *бор* и т. д. — с другой.

Подобные диалектные различия, если они имеют место в корне слова, относятся по существу к словарному составу (случай типа [вѣ]шнѧ — [в'ѣ]шнѧ); если же они имеют место в конце основы (случай типа *кома*[р] — *кома*[р']), то, также относясь к словарному составу, они одновременно могут относиться и к грамматическому строю, так как ими может определяться принадлежность слова к тому или иному грамматическому типу (в нашем примере — к твердой или мягкой разновидности склонения; ср. род.падеж мн. числа *комарѡв* и *комарѣй*). Такие же диалектные различия могут встречаться во флексии (ср. в русском языке *то*[γ]ѡ и *то*[в]ѡ; *сидѧ*[т] и *сидѧ*[т'] и т. д.) — тогда они целиком относятся к сфере грамматики.

Рассмотрим основные типы диалектных различий в области грамматического строя. Различия в некоторых языках касаются до известной степени самого состава грамматических категорий. Так, например, в некоторых говорах таджикского языка существуют глагольные формы, имеющие особое грамматическое значение, тогда как в других говорах они отсутствуют. Таковы особые формы настоящего и прошедшего определенного времени, образованные со вспомогательным глаголом *хорафтан* «лежать»; таковы особые полные формы перфекта типа *рафтастам* в том же таджикском языке.

В других языках (видимо, в большей их части) состав грамматических категорий является единым для всего языка, а частью в значительной мере оказывается единым даже для группы близкородственных языков. В этом случае различия касаются по преимуществу лишь разного звукового выражения одних и тех же общих для всего языка категорий.

Таковы, в основном, диалектные различия грамматического характера в русском языке. Все категории, определяющие морфологическую систему русского языка, являются общими и едиными для всего русского языка, в том числе для всех его местных говоров. Соотношение частей речи и их основные грамматические категории, так же, как, например, падеж, род, число имен, как лицо, время, наклонение глагола, являются общими для всего русского языка. Являются общими в значительной мере и основные типы склонения и спряжения. Диалектные различия русского языка в области морфологической системы касаются обычно не этих основных грамматических категорий и типов словоизменения, определяющих грамматический строй русского языка, а главным образом частностей: внешнего звукового оформления этих категорий. Так, например, в любом русском говоре имеются одни и те же падежи, но они могут отличаться своим звуковым выражением: ср. *у сестры* и *у сестре*; *на стене* и *на стены*; *с хорошими людьми* (*людьми*), *с хорошим людям*, *с хорошима людьми* и т. д. Или: в любом русском говоре имеются одни и те же личные формы и два спряжения (ср. *кричим* — *несем*), но внешнее звуковое оформление этих форм по говорам может отличаться: ср. *печет*, *печѣт*, *печеть*, *печѣть*, *пекеть*, *пекѣть*, *пекот*, *пече*, *печѣ*, *пекѣ*, *пекѣ* и т. д.

Одни и те же типы склонения (с небольшими различиями) существуют во всех русских говорах, но в отдельных случаях те или иные слова в раз-

личных говорах могут входить в разные типы. Например, слово *зверь* в одних говорах относится к мужскому роду (род. падеж *зверя*, дат. падеж *зверю*), в других — к женскому (род. и дат. падежи *звери*; ср. *какая зверь*); то же можно сказать о словах *путь* (*какой путь* и *какая путь*), *мышь* и некоторых других.

Лишь в исключительных случаях диалектные различия русского языка касаются в какой-то мере самого существа грамматических категорий. Таковы, например, многократные бесприставочные глагольные образования типа *бегивал*, *купивал*, *давивал*, *бывивал*, характерные для части северных говоров и отражающие старые отношения в системе глагола, имевшие место до оформления категории вида в его современном состоянии. Таковы словосочетания типа *худая ведро* или форма вин. падежа *мясу* (*купил мясу*), свидетельствующие о процессе утраты среднего рода во многих южных говорах — о процессе, который, впрочем, не осуществляется полностью ни в одном говоре и уже не осуществится, так как он задержан мощным воздействием нормализованной формы национального языка. Однако такого рода диалектных различий в русском языке мало, и не они определяют различия в грамматическом строе русского языка по говорам.

Таким образом, морфологическая система русского языка в целом, включая все его местные говоры, обладает значительным единством, а диалектные различия в ней касаются главным образом внешнего оформления одних и тех же, общих для русского языка, категорий. Значительным единством характеризуется также синтаксическая система русского языка: и здесь существенные различия, представленные по диалектам, занимают весьма скромное место по сравнению с теми ее элементами, которые являются общими для русского языка в целом.

Диалектные различия в области фонетической системы и грамматического строя, как правило, являются противопоставленными. Это значит, что одно и то же явление в разных говорах оформляется по-разному. Ср., например, в русском языке: *вода́* и *вада́*; *гость* и *гость*; *у сестры* и *у сестре*; *он идёт* и *он идёт* и т. д.

Диалектные различия в области словарного состава также могут быть и обычно бывают противопоставленными (ср., например, разные названия одного предмета: *белка* — *векша*; *волк* — *бирюк*). Однако среди лексических диалектных различий отчетливо выделяются и такие, в которых противопоставление отсутствует. Они относятся главным образом к явлениям лексико-этнографическим: это обычно слова, обозначающие характерные в этнографическом отношении предметы, представленные на одной территории и отсутствующие на другой. Такие диалектные различия могут быть вызваны не только различиями в материальной культуре, но и особенностями природных условий разных местностей, а также различиями в исторически сложившихся понятиях.

Из общеизвестных диалектных различий такого типа применительно к русскому языку можно указать такие, как *кринка* — *махотка*; *понева* — *сарафан*; *халат* — *зипун* и т. д. Эти пары слов представляют собой не разные названия одного и того же предмета, а каждое из слов пары обозначает разные предметы, лишь в какой-то мере функционально приближающиеся друг к другу. Взятые в парах, они указывают не на языковые различия, а на различия в области материальной культуры. Следовательно, они заключают в себе не языковое противопоставление, а противопоставление этнографическое, противопоставление самих реалий.

К непротивопоставленным диалектным различиям, связанным с местными природными условиями, в русском языке, например, относятся такие: *кедровник* «кедровый лес», *сполохи* «северное сияние» и т. д. Есте-

ственно, что в местностях, где отсутствуют кедровые леса, где практически неизвестно северное сияние, отсутствуют и соответствующие слова.

Лексические диалектные различия обычно в разной степени бывают представлены в основном словарном фонде и словарном составе. В целом можно сказать, что основной словарный фонд языка является более единым во всех диалектах по сравнению со словами, не входящими в него. Это объясняется устойчивостью основного словарного фонда, его медленной изменяемостью. Диалектные различия в области основного словарного фонда неодинаковы в разных языках. В некоторых языках они довольно широко его затрагивают. В других языках, напротив, диалектных различий, относящихся к основному словарному фонду, очень немного. Таков, например, русский язык, в котором подавляющая часть основного словарного фонда является общей для всех его говоров. Однако и в русском языке имеются по диалектам различия, относящиеся к основному словарному фонду. Возможно, что в прошлом, когда еще действовал процесс обособления диалектов, таких диалектных различий было больше, чем в последующее время, когда диалекты стали терять свою самобытность и вливаться в национальный язык, так как в связи с этим процессом могла утратиться часть ранее имевшихся различий в словаре.

С известным основанием к числу диалектных различий, относящихся к основному словарному фонду, можно отнести такие, как *орать* — *пахать*; *боронить* — *волочить* — *скородить*; *навоз* — *назем* — *гной* — *сор*; *петух* — *кочет*; *овца обьягилась* — *окотилась*; *волосы* — *виски* и др. Характерно, что такого рода диалектные различия имеются и в лексике непредметной; ср., например: *говорить* — *баять* — *гуторить*; *сигать* — *прыгать*; *песни петь* — *играть*; *брезговать* — *гребовать*; *очень* — *дюже* (*дуже*) — *шибко* — *гораздо* — *добре* — *порато*; *много* — *людно* — *богато* — *дивно* (например, *много дров*, *людно дров*, *богато дров*, *дивно дров*); *здесь* — *тут*; *второй* — *другой* и др.

В значительной своей части лексические диалектные различия охватывают такие слова, которые не свойственны нормам национального языка, а если и свойственны, то в масштабе данного языка в целом относятся к словарному составу, а не к основному словарному фонду. Эти слова опять-таки обычно обозначают предметы и понятия, характерные для данной местности в связи с особенностями ее экономики, материальной культуры и быта и отсутствующие на других территориях, ввиду того, что их нет в реальной действительности, в связи с чем на этих территориях отсутствуют и соответствующие слова. Во многих случаях подобные диалектные слова обозначают жизненно необходимые и общенародные в пределах данной местности понятия, органически связанные с экономикой, культурой и бытом данной местности, хотя бы и в прошлом; поэтому они могут входить в основной словарный фонд соответствующего диалекта.

По своему характеру противопоставленные лексические диалектные различия могут быть весьма многообразны. Среди них следует различать собственно лексические или словарные диалектные различия, т. е. разные названия одних и тех же предметов и понятий (примеры см. выше), диалектные различия семантические, т. е. разные значения одного и того же слова или, во всяком случае, одного и того же звукового комплекса. Слово *пахать* в большинстве русских говоров означает обработку земли, но в некоторых имеет значение «подметать пол». Кроме этих основных типов лексических диалектных различий, к последним относятся также различия в фонематическом составе отдельных слов, точнее — корневых морфем (примеры см. выше: *вишня* — *вышня*; *комар* — *кумарь*), а также различия в месте ударения (например, *тúча* и *тучá* в русском языке), в той мере, в какой они не определяются в том или ином языке фонетической системой или

грамматическим строем. В отличие от собственно лексических (иначе, словарных) и семантических диалектных различий, представляющих собой разные слова или разные значения, диалектные различия в фонематическом составе и месте ударения представляют собою одни и те же слова, в одном и том же значении, т. е. касаются только внешнего оформления слов.

Такова общая типология диалектных различий, которая в пределах каждого языка приобретает определенное качественное своеобразие, связанное со своеобразием истории носителей данного языка, в частности, с тем, насколько значительными были периоды относительно обособленного существования носителей тех или иных диалектов. История народа объясняет, почему диалекты одних языков отличаются друг от друга весьма значительно, причем различия касаются всех сторон языка, в том числе более или менее глубоко затрагивают грамматический строй и основной словарный фонд, а диалекты других языков, напротив, характеризуются значительной близостью друг к другу, единством грамматического строя и основного словарного фонда, и различия в них оказываются минимальными.

Едва ли не наиболее существенными и заметными в большинстве языков оказываются диалектные различия в области фонетической системы; весьма многообразны также во многих языках различия в звуковом выражении одних и тех же единых грамматических категорий и различия в словарном составе (выходящем за пределы основного словарного фонда). Однако в некоторых языках они касаются, хотя и в разной степени, основного словарного фонда (см. выше).

5

Диалектные различия в любом языке являются категорией подвижной и исторически неоднородной, поскольку интенсивность их развития зависит от условий исторического характера, а самое существование не является постоянным. Уже в языке народности, в зависимости от той или иной степени сплоченности носителей отдельных диалектов, наблюдается известный поворот в развитии диалектных групп, создаются условия для более широкого распространения возникающих новообразований в пределах языка народности в целом, хотя частные диалектные различия, в особенности на периферии языковой территории данной народности, могут еще образовываться.

Формирование наций, особенно в тех случаях, когда оно сопровождается созданием централизованных государств, интенсивным развитием экономических связей в пределах распространения данного языка, развитием национальной культуры и, в частности, развитием литературы, определяет собою то, что диалектные различия уже, как правило, не образуются, а на более поздних этапах развития национального языка начинается процесс перемалывания диалектов, выражающийся в том, что носители диалектов постепенно переходят к общенародному языку нации, в связи с чем самое развитие языкового строя диалектов идет в этот период под определяющим воздействием общенародного языка.

Особенно эффективно и последовательно воздействие общенародного языка, а тем самым и перемалывание диалектов осуществляется в советскую эпоху, поскольку в нашей стране создаются условия для широкого распространения общенародного нормализованного языка каждой социалистической нации, хотя само перемалывание принимает весьма различные формы в зависимости от состояния диалектов в предшествующую эпоху и от характера диалектных различий данного языка.

Однако исследователи диалектов различных языков обычно отмечают, что, по мере усиления влияния общенародного языка, из него в диалекты в первую очередь проникает все большее и большее количество слов, занимающих различное положение в лексической системе диалектов. Проникают слова, замещающие соответствующее диалектное слово с тем же значением, но состоящие из иных морфем (ср. замену русского диалектного *гребовать* литературным *брезговать*, диалектного *баять* или *гуторить* литературным *разговаривать* и т. п.). Наряду с этим в говоры проникают слова, обозначающие новые предметы и понятия, возникшие в ходе исторического развития общества (*трактор, комбайн, резолюция, комиссия* и т. д.). Наконец, происходит проникновение из литературного языка слов, имеющих и в данном диалекте, как и во всех диалектах того или иного языка, но впервые проникающих в него в литературном звучании (ср. проникновение в цокающие говоры русского языка общенародных слов с аффрикатой *ч*: *читать* вместо *цитать*; *чай* вместо *цый* и т. п.). Во всех упомянутых случаях в говорах может с различной полнотой и последовательностью осуществляться освоение нового в том или ином отношении слова.

При усвоении нового слова на него в разной степени распространяются фонетические и морфологические особенности диалекта (овладевая звуком *ч*, представители диалекта могут сохранять диалектное оформление инфинитива — *читати*; усваивая слово *комиссия*, они могут произносить его по «нормам» оканья и т. д.). Немалое значение имеет усвоение из литературного языка устойчивых сочетаний слов, благодаря чему в диалекты проникают формы слов, свойственные литературному языку (ср. название «дом культуры» в говорах, где употребляют формы *для корви, от погоди* и т. п.).

Характерно, что в советскую эпоху усвоение в говорах слов и их устойчивых сочетаний из общенародного языка все чаще происходит полностью по нормам последнего. Причина заключается в том, что это усвоение обеспечивается одновременно целым рядом факторов (школа, радио, печать, кино и т. п.). Во всяком случае, является очевидным, что накопление предпосылок для устранения той или иной фонетической или морфологической диалектной закономерности происходит прежде всего через лексику. В некоторых говорах приходится поэтому порою отмечать сохранение ранее широко распространенной диалектной черты только в ограниченной сфере лексики, обычно связанной лишь с особенностями местного хозяйственного обихода, в некотором ограниченном круге морфем и т. п.

*

Для решения поставленных выше вопросов, а также для изучения развития самого строя того или иного языка по его внутренним законам в настоящее время чрезвычайно важно развернуть систематическое изучение диалектов языков народов СССР. По отношению к языкам с наиболее слабо разработанной диалектологией первоочередной задачей является монографическое изучение отдельных, наиболее типичных говоров на территории основных диалектных массивов данного языка. Надежным материалом для подобных монографических описаний может послужить достаточное количество записей живой разговорной непринужденной речи представителей того или иного диалекта. Построение монографического описания диалекта должно преследовать цель всестороннего охвата языкового строя, его фонетики, грамматики, лексики с учетом неразрывных связей, существующих между различными сторонами языка. Лишь при наличии достаточного количества монографических описаний и словарей диалектной лек-

сики, а тем самым при наличии сведений о состоянии языкового строя основных диалектов окажется возможной разработка диалектологических программ для более широкого собирания сведений о говорах с целью последующего картографирования диалектных данных, т. е. с целью составления атласов народных говоров того или иного языка.

Советские атласы народных говоров, опыт подготовки которых для русского языка имеется в Институте языкознания Академии наук СССР, а для белорусского и украинского — в соответствующих языковедческих институтах Белоруссии и Украины, по характеру тех материалов, на основе которых они строятся, принципиально не отличаются от описаний монографического типа. Для атласов также собираются записи устной разговорной речи, затем обрабатываемые по программе. Лингвистические карты составляются прежде всего на фонетические и грамматические явления, взятые в целом; на картах учитываются связи между разными сторонами языка; карты отдельных слов в фонетике и морфологии составляются в тех случаях, когда соответствующие фонетические, морфологические явления оказываются лексикализованными.

Изучение диалектов методами лингвистической географии целесообразно лишь для языков, диалекты которых имеют достаточно определенное территориальное распространение. Пользование такими методами невозможно поэтому при исследовании диалектов тех народов, которые ведут кочевой образ жизни. Только при наличии устойчивого территориального распределения диалектов можно составить план обследования населенных пунктов по определенной сетке, т. е. на равном расстоянии друг от друга. Подобное равномерное размещение обследуемых населенных пунктов необходимо для составления карт, для того чтобы изоглоссы языковых явлений на этих картах оказались ценными для их последующей интерпретации. При отсутствии определенной компактной территории у носителей данного языка наиболее целесообразным оказывается накопление диалектных данных при помощи дальнейшего развертывания монографического изучения говоров.

В настоящее время пределы географического распространения отдельных диалектных явлений и характер соотношений между ними для большей части языков Советского Союза еще не изучены. Недостаточная работа проведена и в области монографического изучения говоров ряда языков. Между тем, как показывает опыт составленных атласов русского языка, эта работа имеет огромное, если не решающее, значение для разработки истории любого языка, определения внутренних законов его развития.

Изучение диалектов методами лингвистической географии особенно важно для установления связи истории языка и истории народа. Составление атласов народных говоров является поэтому неотложной задачей советской диалектологии. При осуществлении этой задачи должны быть учтены уже имевшийся опыт составления атласов народных говоров русского языка и выработавшиеся в процессе этой работы принципы советской лингвистической географии.
